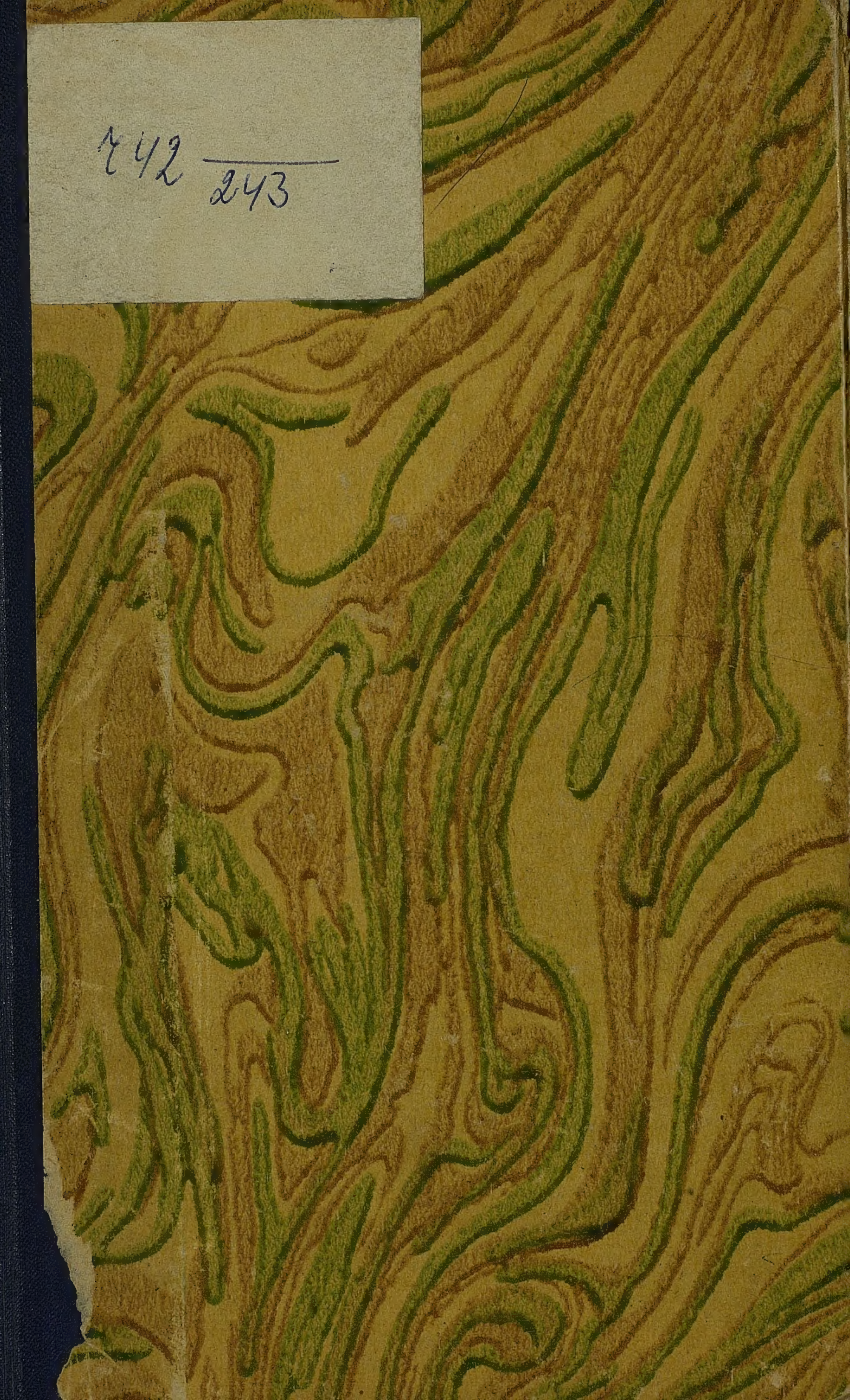
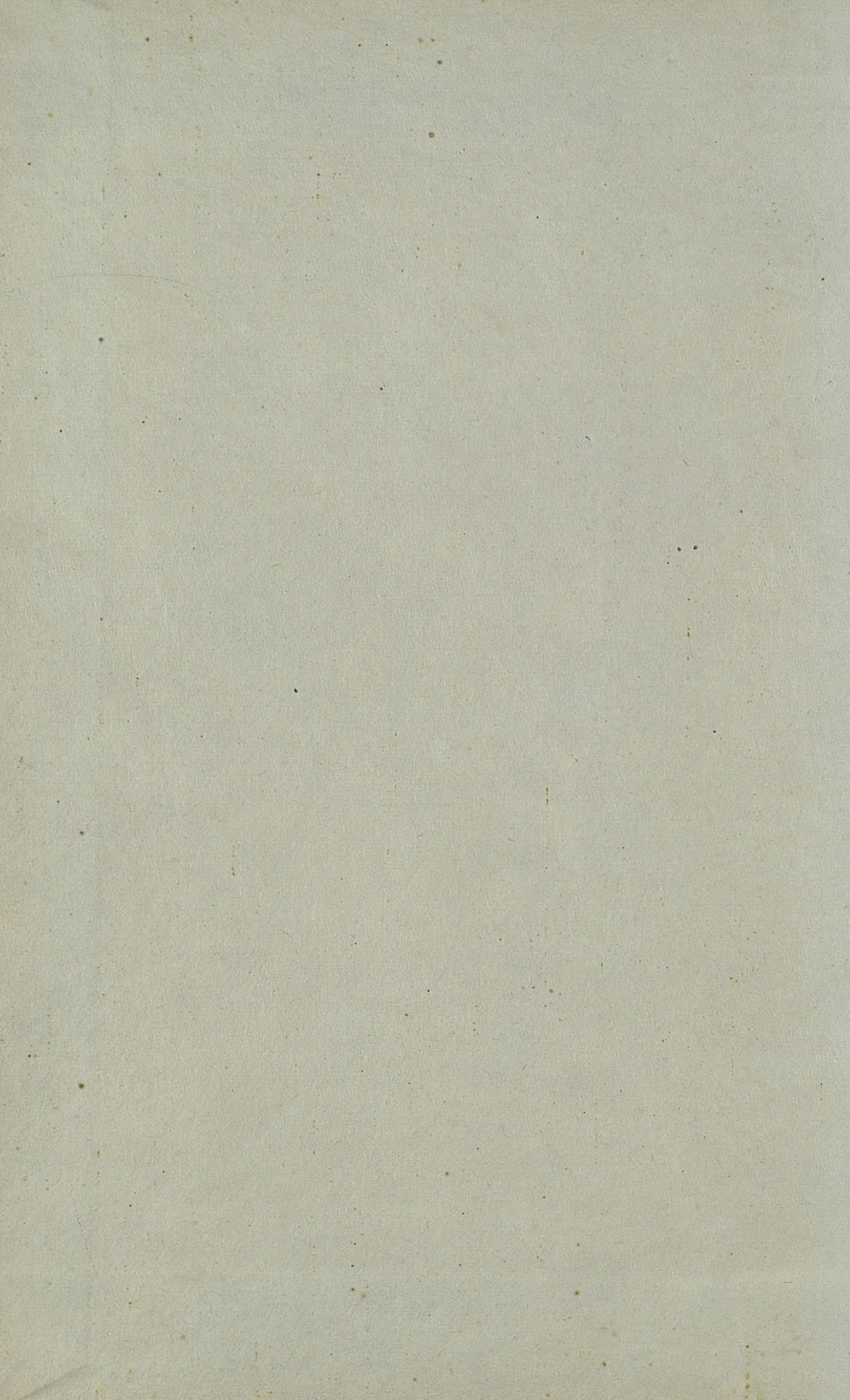
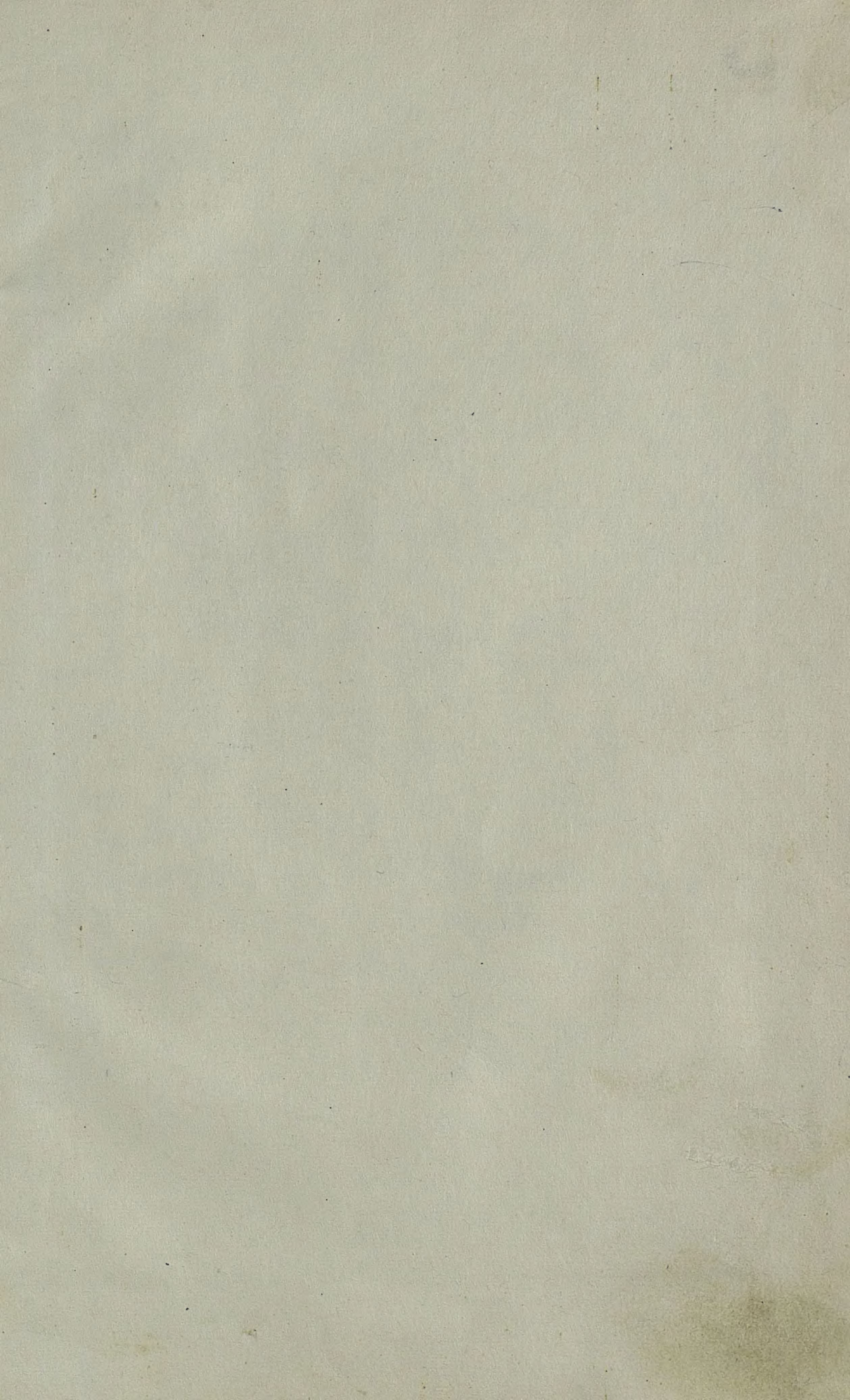
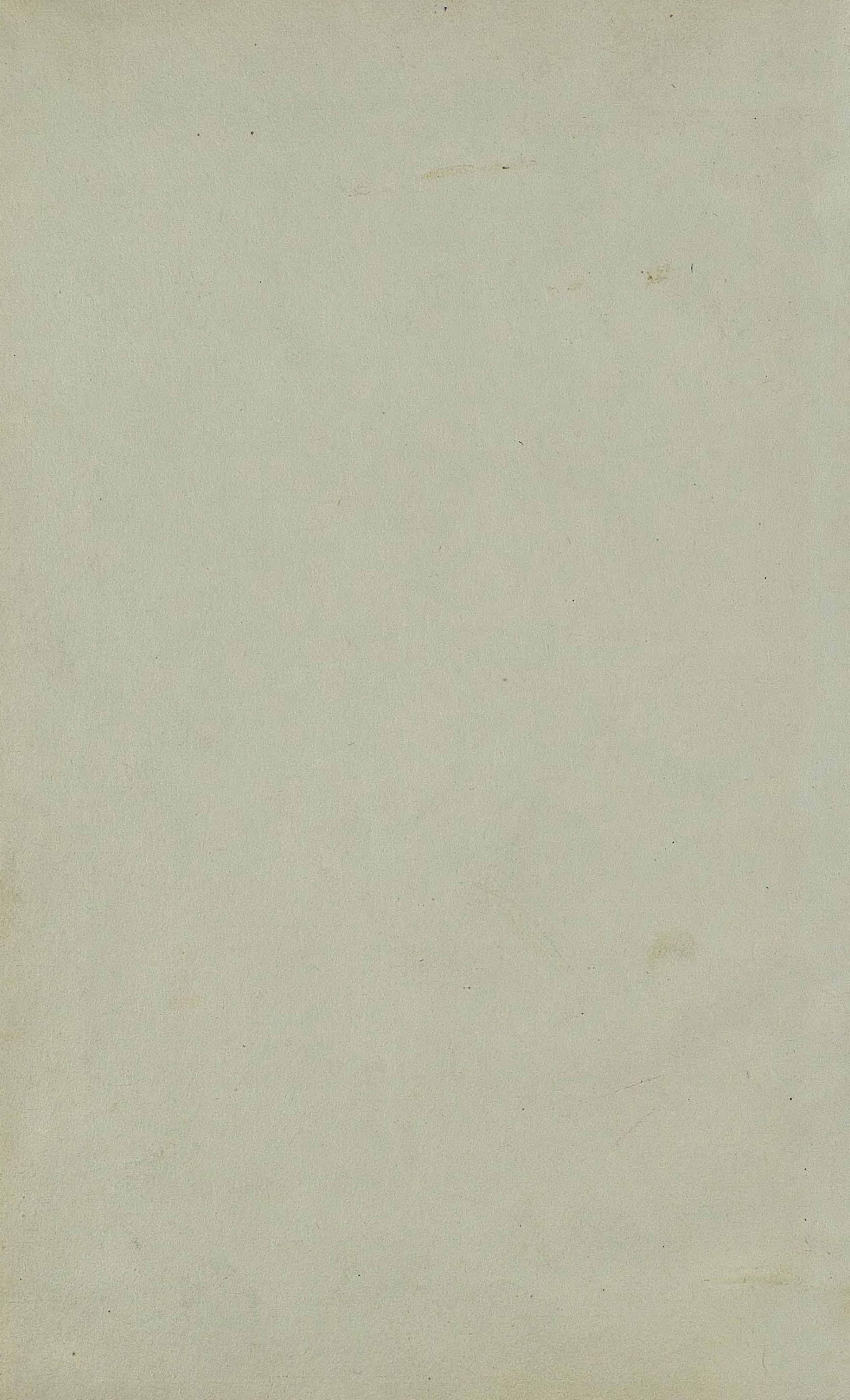

Павелъ Смирновъ.

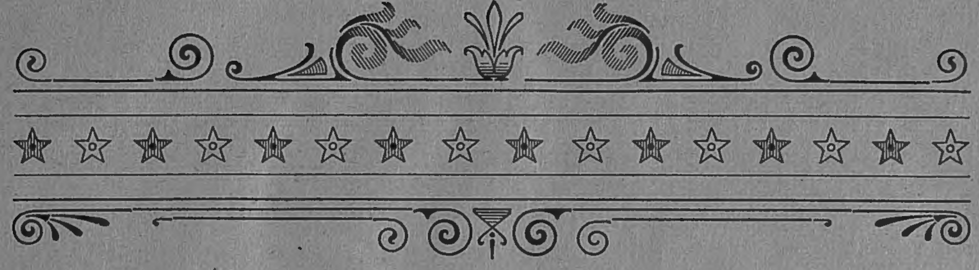
Новое челобитье Московскихъ торговыхъ людей о высылкѣ иноземцевъ.

(изъ общественныхъ настроенiй горожанъ XVII в.).

КIЕВЪ.
Типографiя Т. Г. Мейнандера, Пушкинская ул., № 20.
1912 г.

Новое челобитье Московскихъ торговыхъ людей о высылкѣ иноземцевъ, 1627 года. [1])

(Изъ общественныхъ настроеній русскихъ горожанъ XVII в.).

I.

Первая жалованная грамота иноземнымъ купцамъ была выдана Московскимъ правительствомъ въ 1555 году. Выхлопоталъ ее англичанинъ, капитанъ Ченслеръ, для образовавшейся въ Англіи „русской компаніи", цѣлью которой являлась торговля съ Россіей черезъ открытое за два года передъ тѣмъ устье сѣверной Двины. Жалованная грамота давала компаніи право безпошлинной торговли, оптомъ и врозницу, по русскимъ городамъ, право заводить дворы на Холмогорахъ и въ Вологдѣ, т. е. въ важнѣйшихъ пунктахъ по дорогѣ отъ устья Двины до Москвы. Здѣсь царь самъ подарилъ компаніи дворъ у церкви св. Максима на Варварскомъ крестцѣ. Англичане изъ компаніи имѣютъ свой

[1]) Докладъ, прочитанный въ засѣданіи Общества Нестора-лѣтописца 27 марта 1911 года.

судъ и расправу, не подчинены намѣстникамъ, имѣютъ право держать русскихъ приказчиковъ.

Въ теченіе второй половины XVI вѣка англичанамъ была выдана еще 8 грамотъ, по содержанію аналогичныхъ первой. По нимъ привилегіи англичанъ то подтверждались, то отмѣнялись (1570—72 г.), то расширялись, то суживались. Англичанамъ удалось добиться права безпошлинной торговли съ внутренними областями (Дженкинсонъ), права завести въ Россіи свои промыслы (канатныя фабрики въ Вологдѣ и у Архангельска, прядильная фабрика въ Холмогорахъ, поиски руды); ихъ подворья находились во всѣхъ крупныхъ торговыхъ центрахъ; жалованная грамота, выданная Дженкинсону и подтвержденная Рандольфу (1569 г.), предоставила даже компаніи въ исключительное пользованіе всѣ гавани на Двинѣ, Холмогорскій рынокъ, Двину, Обь, Колу, Мезень, Печенгу, Соловецкій островъ; согласно ей, никакой корабль, не принадлежащій компаніи, не могъ приставать здѣсь. Такимъ образомъ, даже англичане не могли торговать съ Россіей безъ позволенія компаніи, и это тѣмъ болѣе, что англичанамъ было запрещено безъ разрѣшенія покровительницы компаніи, королевы, приставать къ Нарвѣ и Иванъ городу, а также ходить черезъ Россію на востокъ.

Послѣднія условія, чрезчуръ стѣснительныя для царской торговли, были вскорѣ отмѣнены и не возобновлялись со времени царя Ѳедора. При Ѳедорѣ Ивановичѣ у англичанъ отняли право торговли по мелочамъ и право держать русскихъ приказчиковъ. Царь Борисъ, Василій Шуйскій и Дмитрій подтверждали право безпошлинной торговли англичанъ. То же самое дѣлалъ и Михаилъ Ѳедоровичъ, при которомъ англичане получили нѣсколько жалованныхъ грамотъ, начиная съ грамоты 1614 года [1]). Грамоты эти по

[1]) Напечатана Мулюкинымъ въ книгѣ Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство СПБ. 1909 г.

содержанію близки къ грамотамъ Ѳедора Ивановича, т. е. въ нихъ нѣтъ монополіи и права держать русскихъ приказчиковъ, а важнѣйшей привилегіей является свобода отъ обложенія англійской торговли пошлинами, а дворовъ оброкомъ. Въ 1625 году англійская компанія распалась, и англичане были обложены половинной пошлиной; однако такой порядокъ долго не удержался. Въ слѣдующемъ же 1626 году, „для прошенія англійскаго Карлуса короля", Михаилъ Ѳедоровичъ снова выдалъ жалованную грамоту группѣ изъ 23 англійскихъ купцовъ, во главѣ которыхъ стоялъ особый агентъ, Ѳабіанъ Ульяновъ Смитъ. Поименно перечисленные купцы были освобождены отъ пошлины совершенно, но имъ было запрещено торговать съ восточными купцами.

Соперниками англичанъ еще въ XVI столѣтіи выступили голландскіе купцы, корабли которыхъ попали къ Двинѣ въ 1577 или 1578 году. Наравнѣ съ купцами, торговавшими на общихъ основаніяхъ, среди голладцевъ были гости съ жалованными грамотами—напримѣръ, при Грозномъ,—Иванъ Бѣлобородъ, при Ѳедорѣ—Маркъ Фоглеръ и Адріанъ Эбрехтъ. Грамоты двухъ послѣднихъ были подтверждены въ 1606 и 1608 г. съ замѣной въ послѣдней Эбрехта Фанъ-Кленкомъ. При Михаилѣ эта компанія продолжаетъ торговать и получаетъ грамоту въ 1614 году. Тогда же получили грамоты и еще нѣкоторые купцы: Симонъ Бусъ въ 1614 году, въ слѣдующемъ—Еремѣй Ивановъ, въ 1628—Абрамъ Горькій. По этимъ грамотамъ голландцы могли имѣть въ городахъ свои дворы, не платя съ нихъ оброковъ, и торговать съ уплатой половинной пошлины. Въ 1603 году аналогичной льготы добились любчане, но вскорѣ затѣмъ ее утеряли.

Менѣе выгодное положеніе, нежели западные купцы, занимали въ XVI и XVII вѣкахъ на русскомъ рынкѣ восточные торговцы: „Кизыльбашскіе (т. е. персидскіе) и Бухарскіе земли тезики". Грамотами имъ вообще разрѣшался „повольный торгъ". Персы иногда добивались особыхъ привилегій:

такъ, право безпошлинной торговли въ Астрахани и Теркахъ въ 1616 году получилъ кизыльбашскій купецъ, Боярамъ Шанбратовъ, но право это, ограниченное юго-восточными пограничными рынками, было ограничено временемъ и суммой: Шанбратовъ могъ торговать безпошлинно лишь на 500 рублей въ теченіе пяти лѣтъ. Такой ограниченный характеръ имѣла и вообще торговля восточныхъ купцовъ внутри Россіи: получившіе доступъ въ Россію вслѣдъ за присоединеніемъ Астрахани въ 1558 году торговцы средне-азіатскихъ ханствъ (для Бухары и Хивы это право подтверждалъ Михаилъ Ѳедоровичъ) могли пріѣзжать въ Астрахань, Казань и другіе города Россіи, но не платили пошлинъ лишь тогда, когда пріѣзжали съ посольствами.

Англичане, голландцы брабантскіе, гамбургскіе нѣмцы и восточные купцы изъ Персіи и Бухары по жалованнымъ грамотамъ занимали на русскомъ рынкѣ первой половины XVII в. далеко неодинаковое положеніе. Если сравнивать ихъ съ русскими, то всѣ они вообще являлись привилегированными торговцами, но привилегіи ихъ были разнообразны, начиная со свободы отъ платежей пошлинъ и оброковъ казнѣ, неподсудности русскимъ властямъ, и кончая простой возможностью пріѣзда къ Москвѣ для торговли, хотя и съ уплатой пошлины, но безъ уплаты тѣхъ поборовъ и налоговъ, которые вносились русскимъ торгово-промышленнымъ населеніемъ съ ихъ торговъ и промысловъ, и безъ тѣхъ службъ, которыя требовались съ него казной.

Эта общая привилегированность до нѣкоторой степени объединяла въ глазахъ русскаго купца всѣхъ иноземцевъ въ одну массу счастливыхъ и опасныхъ конкурентовъ, тѣмъ болѣе, что всѣмъ иноземцамъ одинаково нетрудно было обойти лѣсъ неустойчивыхъ законовъ Московскаго государства и, помимо жалованныхъ грамотъ, пріобрѣсти привилегіи, по закону принадлежавшія лишь нѣсколькимъ лицамъ.

Въ дѣйствительности такъ оно и было, и въ первой половинѣ XVII вѣка большую роль въ этомъ игралъ Посольскій приказъ, въ вѣдѣніи котораго состояли иноземцы, и въ которомъ хранились всѣ грамоты и указы о правахъ иноземныхъ купцовъ. Не считаясь съ этими послѣдними и руководясь ему одному извѣстными соображеніями, Посольскій приказъ начинаетъ выдавать иностраннымъ купцамъ грамоты на безпошлинную торговлю въ такомъ количествѣ, что въ 30-хъ годахъ XVII вѣка, повидимому, всѣ иностранцы пользовались прерогативами 23 англійскихъ купцовъ и безпошлинно провозили товары отъ Архангельска къ Москвѣ и обратно. Наконецъ, на это обратила вниманіе Устюжская четверть, такъ какъ доходы съ таможенъ ея городовъ, Устюга Великаго и Тотьмы, лежащихъ на этомъ пути, замѣтно уменьшались [1]). Она обратилась за разъясненіями правъ иностранныхъ купцовъ въ Посольскій приказъ, и между двумя учрежденіями завязалась характерная борьба.

5 октября 1638 года Устюжская четверть, „по государеву цареву і в. к. Михаила Федоровича всеа Русиі именному приказу" запрашиваетъ у посольскихъ дьяковъ, всѣхъ или не всѣхъ иностранныхъ купцовъ должны пропускать безпошлинно таможные головы и по какимъ государевымъ грамотамъ [2]). Посольскій приказъ отмолчался и ничего не

---

[1]) Упадокъ сборовъ вызывался и другими причинами, но въ данномъ случаѣ это не имѣетъ значенія.

[2]) Вопросъ формулировался такъ: „Съ аглинскихъ гостей и иныхъ земель с торговых нѣмецъ на Устюге Великом и на Тотьме таможенным головам и цѣловальникомъ съ их товаров государевы таможенные пошлины имать ли или не имать и со всѣх лі аглинскихъ гостей и иных земель с торговыхъ нѣмец съ их товаров государевых пошлинъ не имать, и будетъ не со всѣх,—и с ково имяны и которых земель с нѣмец, и сколькихъ рублевъ таможенных пошлинъ не имать и съ которых имать, чтоб про то в Четі было вѣдомо, а государеве б таможенной пошлине в томъ истери не было".

Все это было „невѣдомо" собиравшему таможенныя пошлины учрежденію въ началѣ 40-хъ годовъ XVII вѣка.

отвѣтилъ. Устюжская четверть повторяетъ запросъ 8 декабря 1638, и снова безрезультатно. Повторяетъ его 31 августа и 11 декабря 1639 года, 15 января и 13 октября 1640 года,— но дьяки Посольскаго приказа упорно молчатъ. Наконецъ 27 октября 1640 года дьякъ Устюжской четверти, Пантелѣй Чириковъ, шлетъ новую, седьмую по счету, память съ требованіемъ отвѣтить на вопросъ и съ указаніемъ на нарушенье посольскими дьяками „имянного приказу" и интересовъ государевой казны: „А в Устюжской четверті по таможенным книгам прошлых лѣт, 146-го і 147 и 148 году с аглинскихъ и з галанскихъ гостей и со многих торговых нѣмецъ государевы таможенные пошлины довелись взяті немалые. І в тѣх же таможенных книгах написано, что тѣ аглинские и галанские гості и торговые нѣмцы тѣх государевых таможинныхъ пошлинъ не платилі по государевым грамотам ис Посольсково приказу, а в Устюжской четверті про тѣ государевы грамоты не вѣдомо, с которых нѣмецъ государевыхъ таможенных пошлинъ по государевым жаловальным грамотам имать не велено. І в томъ государеве таможенной пошлине истеря немалая, і в четвертныхъ в приходных книгах тѣх пошлинъ очистить нѣпочему".

На эту память посольскіе дьяки, думный Ѳедоръ Лихачевъ, Михаилъ Матюшкинъ и Григорій Львовъ, отозвались 15 ноября 1640 года отпиской, въ которой выяснялось, что по указу и жалованнымъ грамотамъ царя Михаила Ѳедоровича и покойнаго патріарха Филарета, выданнымъ въ 136 году, [1]) безпошлинно въ Московскомъ государствѣ могутъ торговать только 23 человѣка англійскихъ гостей, поименно перечисленныхъ; со всѣхъ остальныхъ, и съ англичанъ и иныхъ національностей, „пошлины емлютъ по государеву указу і по уставным грамотам, как со всяких торговых людей пошлины емлютъ".

---

[1]) Повидимому, приказъ подразумѣвалъ печатаемый въ приложеніи указъ 1627 года (т. е. 135-го).

Устюжская четверть 8 февраля 1641 года въ грамотахъ пригрозила взыскивать неуплаченныя иноземцами пошлины съ таможенныхъ головъ, но трудно сказать, насколько это средство оказалось дѣйствительнымъ для 40-хъ годовъ XVII вѣка, и насколько положеніе иностранныхъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ пришло въ соотвѣтствіе въ это время съ ихъ юридически скромными правами [1]).

II.

Пока невозможно точно указать, каково было фактическое положеніе различныхъ національныхъ группъ на русскомъ рынкѣ въ первой четверти XVII вѣка, т. е. какъ велики были ихъ обороты, какъ велика была концентрація капиталовъ, и насколько каждая группа стѣсняла русскихъ торговцовъ. Повидимому, восточные купцы не являлись значительными капиталистами, и ихъ конкуренція не была особенно опасна складывавшемуся русскому торгово-промышленному классу. Не такъ обстоялъ вопросъ съ конкуренціей Запада.

Когда посолъ англійскаго короля, Джонъ Мерикъ, въ 1620 году добивался для англійскихъ купцовъ свободной безпошлинной торговли въ Персіей черезъ Астрахань и проѣзда въ Индію и Китай черезъ Сибирь, и при этомъ обѣщалъ, что англичане де будутъ торговать съ русскими сообща, давать имъ товары въ кредитъ, то Московскіе гости отвѣчали на это: „русскимъ людямъ сообща съ англичанами торговать нельзя: англичане—люди сильные и богатые, у нихъ съ нашими ни въ чемъ не сойдется“. Но если такъ можно было сказать объ англичанахъ, то гораздо приложимѣе эта характеристика къ другимъ западнымъ торговцамъ этого времени, особенно голланцамъ. За смуту англійская торговля потерпѣла сильный ущербъ: англійская компанія, по словамъ того же Мерика, потеряла 144.000 рублей (ок. 1½ мил); объ упадкѣ англійской торговли къ 20-мъ годамъ

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Прик. Дѣла ст. лѣтъ 1639—41 г. № 39.

17 вѣка говоритъ и злѣйшій врагъ и конкурентъ англичанъ, голландецъ Масса. Въ своемъ письмѣ отъ 4 сентября 1619 года онъ предсказываетъ будущее англійской компаніи: „если не представится какое-либо средство, то компанія ихъ рушится въ этомъ году", и Масса ошибся только на шесть лѣтъ. Англичане почти не производили торговли, ихъ дворецъ на Холмогорахъ русскіе хотѣли будто бы отвести подъ монастырь [1]). Русскіе акты подтверждаютъ этотъ упадокъ англійской торговли съ Россіей: въ 1618 году въ Архангельскую гавань пришло только три англійскихъ и 30 голландскихъ кораблей, въ 1635 году 1 англійскій и 11 голландскихъ.

По таможеннымъ записямъ можно вычислить вполнѣ точно, сколько какого товара провозилось къ Архангельску на этихъ корабляхъ, сколько и кто именно отпускалъ ихъ вверхъ по Двинѣ на Вологду, сколько и кто подвозилъ русскихъ товаровъ къ Архангельскому порту.

У англичанъ въ 20-хъ годахъ вверхъ по Двинѣ лѣтомъ подымалось 2—3 дощаника съ ихъ товарами; голландцы же, въ подрывъ вологжанамъ, завели на Двинѣ собственныя суда, и имъ принадлежало въ 1630 году около 1/10 отпущенныхъ отъ гавани къ Москвѣ судовъ съ товарами. Даже подвозъ русскихъ товаровъ къ Архангельску былъ въ значительной степени захваченъ голландскими капиталистами, что особенно тяжело отзывалось на русскихъ оптовикахъ. Гость Иванъ Сверчковъ писалъ въ 1621 году: „А передъ прошлымі годы торговые нѣмцы съ товарами ѣздилі многіе и русскихъ товаровъ привезлі передъ прошлыми годы вдвое и втрое, и затѣмъ і къ Архангельскому городу государевых торговых людей из верховыхъ городовъ никого нѣт, потому что тѣ товары по городомъ нѣмцы выкупили". При отпискѣ—роспись пріѣхавшимъ къ Архангельску съ русскими товарами нѣмцамъ.

[1]) Письма Массы въ Вѣстн. Европы 1868, VIII, стр. 803.

По особымъ указнымъ грамотамъ, „для прошенія такого-то короля", правительство Михаила Өедоровича почти каждый годъ разрѣшало тому или другому иноземцу скупить въ Россіи для экспорта опредѣленное количество хлѣба. Такъ какъ закупка производилась на имя иноземнаго короля, надъ чѣмъ иронизировали еще въ XVI вѣкѣ, то она часто бывала безпошлинной; а такъ какъ экспортъ хлѣбныхъ запасовъ являлся монополіей царя, то и скупать ихъ иноземцы могли на монопольныхъ началахъ. Въ 1630 году, напримѣръ, 8 декабря, пріѣхалъ въ Москву отъ французкаго короля Людовика XIII капитанъ Бонфуа; отъ имени короля онъ просилъ отпустить ему за деньги 6.000 ластовъ хлѣба (120.000 четвертей). Ему отказали, такъ какъ на этотъ годъ уже было назначено къ вывозу:

1) въ Данію . . .	75.000 чет.	ржи.
2) въ Швецію .	166.600 чет.	ячменю, овса, крупъ гречневыхъ и просяныхъ.
3) въ Англію . .	60.000 чет.	разнаго хлѣба.
4) въ Голландію	23.000 чет.	ржи.
Всего . . .	324.600 чет.	хлѣба.

Отказывая французамъ „ради такихъ большихъ отпусковъ", царь Михаилъ Өедоровичъ обѣщалъ однако на слѣдующій годъ приготовить имъ 50.000 чет. [1]) Съ 1627 по 1632 годъ, скупалъ въ Россіи хлѣбъ голландецъ Давидъ Николаевичъ Ручъ, въ годъ по 25—30 тысячъ четвертей, покупалъ, по крайней мѣрѣ первые три года, безпошлинно, на имя „Дацково Крестьянуса короля". [2]) Въ 1636 году „по прошенью Свейскаго короля" скупали 36.000 четвертей голландскій гость Карпъ Де-Муленъ, извѣстный крупный торговецъ съ Россіей, и Де-Ледаль, также голландецъ. [3]) Въ 1652 закупило въ

[1]) Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Тетрадь Малиновскаго № 1110—1037.

[2]) Моск. Ар. М. И. Дѣлъ. Прик. Дѣла ст. л. 1630 г. № 48.

[3]) Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказн. Дѣла 1628—9 г. № 11.

Россіи 20.000 четвертей ржи шведское правительство и т. д. [1]).

Въ 20-хъ годахъ XVII столѣтья у Руча ежегодно къ Архангельску подходило за хлѣбомъ 6—7 кораблей. Но, повидимому, это только ласточка будущаго расцвѣта экспорта хлѣба черезъ Архангельскъ: 1634 году по 9 августа къ Архангельской пристани подошло съ товарами три корабля англійскихъ, 16 нѣмецкихъ и голландскихъ и 33 пустыхъ корабля, „по хлѣбные запасы". [2]) Впрочемъ, оффиціальная регистрація не могла отражать дѣйствительныхъ размѣровъ отпуска русскаго хлѣба. Для закупки нужнаго количества иноземный гость разсылалъ своихъ и русскихъ приказчиковъ, но и помимо ихъ русскіе торговцы скупали хлѣбъ на разныхъ иноземцевъ, т. е. на ихъ деньги, ссыпали его по подворьямъ, а затѣмъ отдавали хозяевамъ. На Вологдѣ, напримѣръ, въ 1629 году таможенники открыли 11 такихъ незаконныхъ складовъ у иноземцевъ, по подворьямъ монастырей и по частнымъ дворамъ. Вологодскій воевода князь Б. Хилковъ, сообщая объ этомъ въ приказъ, въ числѣ хлѣбныхъ запасовъ написалъ льняное сѣмя и коноплю. Голландскіе экспортеры, Карпикъ Муленъ, Юшка Клинкъ и др., якобы съ наивнымъ недоумѣніемъ, отписывались: „а у насъ, государь, то сѣмя не едятъ, а дѣлаютъ, государь, изъ нево масло; а то, государь, масло исходитъ на суконное дѣло, да въ оливу и въ краски и въ мыла" [3]).

Торговля иноземцевъ, помимо ихъ привилегій и злоупотребленій, была тѣмъ болѣе для русскихъ купцовъ стѣснительна, чѣмъ меньше было развито мѣновое хозяйство. „Выкупить" какой-либо товаръ въ то время не представлялось особенно затруднительнымъ дѣломъ: еще

---

[1]) Курцъ. Донесенія Родеса и Архангельско-Балтійскій вопросъ (Ж. М. Н. Пр. 1912 г. № 3 стр. 81).

[2]) Прик. Дѣла 1634 г. № 31.

[3]) Тамъ же 1628—9 г. № 11, л. 4.

въ половинѣ столѣтія Де-Родесъ на подобныхъ операціяхъ строилъ свои планы отвлеченія торговли отъ Архангельска къ Балтійскому морю въ шведскіе города. Какъ русскіе, такъ и пріѣзжіе торговцы широко практиковали кредитъ мелкимъ промышленникамъ, иногда цѣлымъ поселеніямъ, на нѣсколько лѣтъ впередъ, запродававшимъ продукты своихъ промысловъ. Укажу только одинъ, два примѣра. Въ 1620 году на Холмогорахъ внезапно скончался русскій, т. е. обрусѣвшій нѣмчинъ Маврицъ Юхтеръ, или, по-московски, Бориско Ѳедоровъ. Его имущество и бумаги были описаны и опечатаны. Въ числѣ бумагъ оказались 3 колодки съ кабалами и купчими, и приходо-расходныя книги. Всего оказалось 30 кабалъ, 8 памятей и очень много записей по приходной книгѣ на розданный въ долгъ товаръ. Памяти и записи касаются главнымъ образомъ торговцевъ и интересны для исторіи кредита въ торговлѣ. Что касается кабалъ, нашихъ векселей, то нѣкоторыя изъ нихъ рисуютъ процессъ скупки русскаго сырья у производителей и интересны съ этой стороны: напримѣръ, двое холмогорцевъ и архангелецъ, за занятые 30 р., обязуются отдать 50 пудовъ говяжьяго сала; двое другихъ обязуются доставить 40 пудовъ того же сала; такіе контракты заключались всегда съ неустойками. Когда уже Бориска Ѳедоровъ скончался, то къ Холмогорамъ подъѣхалъ его приказчикъ, очевидно закупавшій на мѣстахъ сырье. Онъ привезъ съ собой 600 рогожъ, 150 кулей порожнихъ, 28 пудовъ льну, 2 пуда щетины и въ двухъ бочкахъ масло конопляное. Все это можно было въ то время купить въ деревняхъ и другихъ мелкихъ центрахъ [1]).

Но Бориска Ѳедоровъ не былъ крупнымъ торговцемъ, хотя кредитъ связывалъ его со всѣмъ Поморьемъ, поволжскими городами и Москвой. Ему далеко было до такихъ воротилъ,

[1]) Прик. Дѣла 1621 г. № 12.

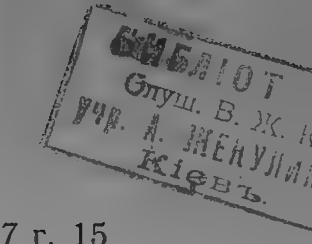
какъ гости голландскіе, англійскіе, русскіе, которые держали въ рукахъ цѣлыя округи. Кольскій острогъ съ волостями, напримѣръ, отправлявшій въ море за рыбой до 100 судовъ, владѣвшій тонями, обычно продавалъ свой годовой уловъ оптомъ. Въ 1622 году мірской сходъ далъ своему посыльщику соотвѣтствующую память, и тотъ продалъ голландцу Вогеляру красную рыбу семгу, сколько ни поймаютъ ея, треску сухую 100.000 штукъ на 1623, 24 и 25 годы. За рыбой пришелъ съ кораблемъ голландецъ, гость Юрій Фанъ Кленкъ. Но оказалось, что посыльщикъ подписалъ торговую память на 3 года, не имѣя на это полномочій по своей посылошной приговорной памяти: міръ указалъ ему годовой срокъ. Кромѣ того онъ допустилъ другія нарушенія: коляне отказывались сдавать рыбу безъ трескoваго жира и требовали обусловленной въ посылошной ладьи съ хлѣбомъ, которой Фанъ Кленкъ не привезъ.

Между посадомъ и гостемъ возникла тяжба, разрѣшенная въ 1624 г. резолюціей: доправить на колянахъ въ пользу Кленка 900 р. убытковъ, „чтобъ вперед иноземцов отъ нашей государскіе милости не отогнати“.

III.

Такое откровенно-неюридическое разрѣшеніе тяжбы очень характерно и показываетъ на большія симпатіи Московскаго двора и правящихъ сферъ къ иноземной торговлѣ.

Дѣйствительно, всѣ привилегіи, которыя получали иноземные купцы по жалованнымъ грамотамъ XVI—XVII вѣковъ, объясняются именно интересами царскаго хозяйства, нуждами двора и аристократіи и, наконецъ, своекорыстыми разсчетами дьяковъ. Иноземные гости доставляли предметы роскоши и щедро дарили за льготы царя и сановниковъ. По условіямъ жалованныхъ грамотъ, лучшіе свои товары иноземцы должны были отдавать по минимальной

цѣнѣ въ казну: „которые узорочные и всякіе товары у нихъ будутъ въ привозе... а понадобятца из тѣх товаровъ взять въ государеву казну,—и имъ тѣ товары даваті въ государеву казну по своей заморской по прямой цѣнѣ безъ прибытку". Никто поэтому не могъ покупать у пріѣхавшихъ иностранцевъ чего бы то ни было, „покамѣста на великаго государя не искупятъ". Нѣкоторые товары ихъ, какъ, напримѣръ, серебряные еѳимки, были исключительнымъ достояніемъ казны. Но и помимо этого, почти съ каждымъ кускомъ хорошей парчи, драгоцѣнной вещью, пріобрѣтенной у иноземца хотя бы у Архангельска, нужно было являться въ Москвѣ на Казенный Дворъ, не пригодится ли вещь государю. Нечего говорить, что иностранцы являлись не только поставщиками царя, но и выгодными покупателями его: царскій Дворецъ, являвшійся крупнѣйшимъ торговцемъ XVI—XVII вѣковъ, нуждался въ заграничномъ рынкѣ для своихъ разнообразныхъ товаровъ. Иностранные гости устраняли посредничество русскихъ, и на монопольныхъ товарахъ Дворецъ зарабатывалъ отъ нихъ отъ 32 до 100%.

Кромѣ того, царь и сильные люди въ торговыя предпріятія иноземцевъ вкладывали свои личныя средства и получали за это хорошое вознагражденіе. Въ XVI столѣтьи Московскій государь ощущалъ избытокъ средствъ, не находившихъ приложенія. По словамъ Горсея (1584—90 г.) „царь, или лучше правитель, владѣя безчисленными сокровищами, ежедневно возрастающими, не зналъ, куда употребить ихъ и какъ распорядиться, чтобы болѣе прославить себя". Подъ хорошее обезпеченіе онъ давалъ будто бы ссуды персидскому шаху и грузинскому царю, ссужалъ, какъ это дѣлалось часто въ XVII вѣкѣ, купцовъ. Въ 1589 г., когда уже скончался „англійскій царь" (т. е. Грозный), оказалось, что одинъ изъ англійскихъ банкротовъ, торговавшій въ Россіи Антонъ Мершъ, былъ долженъ русскимъ 23.343 рубля (свыше $^1/_2$ милліона

на наши деньги). Въ числѣ кредиторовъ особенно крупными оказались: казна, давшая взаймы 2.700 рублей, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, впослѣдствіи покровитель англичанъ,—на 4.000 руб. (около 100.000 р.),—остальными были дворяне, гости, монастыри и т. п. Горсей, по его словамъ, занялъ для англійскихъ купцовъ у царя 4.000 р., у правителя 5.000 для закупки льна, а голландцы занимали у русскихъ сановниковъ значительныя суммы по 25% и потомъ выплачивали каждому изъ нихъ по 5.000 марокъ ежегодно. Особенно покровительствовалъ голландцамъ въ началѣ XVII вѣка Иванъ Никитичъ Романовъ, дядя царя Михаила, „черезъ надежнаго тайнаго пріятеля“ направлявшій шаги Массы; посланцу Масса подарилъ вызолоченный кубокъ. Аналогичныя подношенія иноземцевъ кубками, кружками, бархатомъ, атласомъ и т. п. были обычнымъ актомъ благодарности въ отношеніи сановниковъ, царской семьи и самого царя. За всѣ эти выгоды и удобства царскій дворъ и платилъ имъ привилегіями, выражаемыми въ жалованныхъ грамотахъ. Особенно хорошо выразилъ такое значенье своихъ жалованныхъ грамотъ Грозный: въ 1567 г. онъ послалъ въ Англію двухъ гостей со своими товарами; гости, продавъ товары, должны были закупить для царя „сафировъ и рубиновъ и одеждъ, какія нужны нашей казнѣ“. Царь проситъ англійскую королеву не брать съ его товара пошлины за перевозъ, за складъ и другихъ налоговъ, „равно какъ и мы въ нашихъ владѣніяхъ съ твоихъ людей никакихъ налогъ не велимъ брать“.

IV.

XVI и первая половина XVII вѣка въ области торговой политики были еще чужды общихъ мѣропріятій: здѣсь все еще жило той пестротой привилегій, изъятій, однимъ словомъ частнымъ случаемъ, который составлялъ содержаніе предшествующей удѣльной эпохи, и среди привилегированныхъ торговцевъ XVI и начала XVII вѣка иноземные составляли не большинство, а меньшинство.

Русскія таможни отмѣчали не только взятыя пошлины, но и не взятыя по какимъ-либо основаніямъ. По выпискѣ изъ таможенныхъ книгъ по Тотьмѣ и по Устюгу Великому, т. е. по пути отъ Москвы до Архангельска, отъ 1612 по 1616 годъ проѣзжало по Двинѣ черезъ Тотьму ежегодно 11—17 тарханщиковъ съ льготными грамотами. Среди нихъ было 7—9 монастырей, причемъ самымъ крупнымъ торговцемъ среди всѣхъ является м-рь Соловецкій; 2—6 русскихъ привилегированныхъ торговцевъ (гости, люди Строгановыхъ, и т. п.) и только два иноземца—англичанинъ Ѳабинъ Ульяновъ и голландецъ Юрій Клинкъ. На Устюгѣ за эти же годы проѣзжали съ жалованными грамотами послѣдовательно 6, 14, 22 тарханщика. Иноземцевъ среди нихъ 1, 4, 5, и въ 1616 году свыше 6. Малое количество торговыхъ тарханщиковъ вообще въ это время объясняется смутнымъ временемъ: потомъ ихъ гораздо больше, лишь только усилится торговое движеніе по Двинѣ, но количественное отношеніе между русскими и иноземными среди нихъ сохраняется и потомъ [1]).

Однако, не смотря на это, не смотря также на то, что торговля съ иностранцами приносила выгоду и русскому производителю, особенно мелкому, привилегіи иноземныхъ купцовъ возбуждали недовольство въ средѣ нарождавшагося русскаго торгово-промышленнаго класса.

Смутная эпоха оказала на него глубокое вліяніе. Въ XVII вѣкѣ торгово-промышленный „чинъ" начинаетъ отчетливо сознавать и формулировать свои групповые интересы, мало по малу развиваетъ ихъ въ цѣлую политическую и экономическую программу. Программа торгово-промышленнаго класса сложилась несразу: она выростала непрерывно въ теченіе всего XVII вѣка, переходя отъ вопроса къ вопросу, отъ задачи къ задачѣ. Въ ней видны наслоенія различ-

---

[1]) Прик. Дѣла 1613—14 г. № 5.

ныхъ группъ посадскихъ міровъ, но громче всѣхъ слышенъ голосъ крупной буржуазіи. Ей, „пресоламъ“, по мысли Крыжанича, должны быть, принесены въ жертву „всѣ ярыжные и бездѣльные люди“. Конечной цѣлью этой программы было освобожденіе торговли и городовъ отъ путъ вотчинныхъ традицій удѣльной эпохи. Нужно очистить русскій рынокъ отъ всякаго рода привилегированныхъ торговцевъ, иностранныхъ и русскихъ; для этого нужно изгнать въ пограничные города иноземцевъ и запретить бѣлымъ нетяглымъ людямъ торговать и промышлять въ посадахъ. Свободное развитіе городского населенія требуетъ освобожденія отъ сложныхъ поборовъ за перевозимые и продаваемые товары. Особенно нужно уничтожить частные поборы и откупа. Наконецъ, нужно убрать изъ посада воеводу, которому мѣсто въ пограничныхъ городахъ. Земскій соборъ въ центральномъ управленіи, земское и губное самоуправленіе на мѣстахъ—таковы были основныя черты этой программы.

Очищеніе русскаго рынка отъ иноземцевъ по ней не было уравненіемъ всѣхъ конкурентовъ: купечество требовало покровительства русской торговлѣ въ ущербъ „инородскому торгованію“, отъ котораго, по выраженію Крыжанича, нѣтъ другой корысти, „опрочь нѣкоихъ подарковъ, кое даютъ царю либо боляромъ“. Нужно защитить „природныхъ холопей и сиротъ“ отъ „иновѣрцевъ“, ограничивъ послѣднихъ въ правахъ. Гости и торговые люди хотѣли изгнать иноземцевъ въ портовые и пограничные пункты, не допускать ихъ внутрь страны и въ Сибирь, запретить имѣть свои промыслы, средства перевозки, свои дворы по городамъ, а также наемъ русскихъ приказчиковъ. По мнѣнію русскихъ купцовъ, иноземные торговцы должны основываться „у морскихъ пристанищъ“, въ гостинныхъ дворахъ, поскорѣе, въ Архангельскѣ до 1 сентября, продать свои товары, обязательно оптомъ и исключительно русскимъ купцамъ, а не другъ другу, притомъ не уговариваясь межъ собою относительно цѣнъ

Затѣмъ закупить, также безъ „уговору“, русскихъ товаровъ и „ѣхати за море“. Такимъ образомъ, русскіе гости и торговые люди въ XVII вѣкѣ претендуютъ на исключительныя права для своего сословія: закупать на мѣстахъ русскіе товары, держать промыслы, средства передвиженія, наконецъ служить посредниками между западомъ и востокомъ имѣютъ право только они, русскіе торговцы, а осуществить это право должно правительство соотвѣтствующими мѣрами.

Эта программа изгнанія иноземцевъ изъ Россіи очень рано становится господствующимъ интересомъ руководящихъ слоевъ русскаго торгово-промышленнаго класса, особенно гостей. Еще Флетчеръ разсказывая о „простолюдинахъ“, въ число которыхъ попали у него и Строгановы, туманно говоритъ: „въ нынѣшнемъ 1589 году они разсуждали между собою о переводѣ всѣхъ иностранныхъ купцовъ на постоянное жительство въ пограничные города“ [1]). Какъ бы ни объяснялъ этотъ фактъ самъ Флетчеръ, едвали будетъ ошибкой видѣть въ его словахъ указаніе на начало той агитаціи противъ иноземныхъ купцовъ, которую мы можемъ наблюдать среди русскихъ торговцевъ первой половины XVII вѣка.

Эта агитація захватывала очень широкіе слои Московскаго торговаго люда, раздувала глухую вражду къ иноземцамъ въ низахъ населенія, и создавала противъ нихъ какую-то общую стачку съ дружными активными выступленіями со стороны торговаго класса.

Англійскій агентъ въ концѣ 30-хъ годовъ уже жаловался на невозможное положеніе въ странѣ привилегированныхъ англійскихъ гостей: въ противоположность высшимъ агентамъ власти, низшіе,—всѣ таможенники, какъ въ государевыхъ, такъ и въ вотчинныхъ таможняхъ, оказываютъ имъ посильныя непріятности. „Вѣрные головы и целовальники и откупщики, боярские приказчики и крестьяне,

[1]) Дж. Флетчеръ О государствѣ русскомъ 1591 г. Изд. Всеобщей Библіотеки. Спб. 1911, стр. 82.

аглинским гостям і их приказщикомъ сильны чинятца", не слушаютъ государевой жалованной грамоты, „аглинскаго агента проѣжжим памятям и печатям не вѣрят, с гостиных товаров проѣзжую пошлину и мыты и перевозы и мостовщину і с людей головщину насильством с них емлют и аглинских гостиных приказчиков і людей их безщестят". Товары агличанъ задерживаютъ на дорогѣ, если они по государевой грамотѣ не даютъ пошлинъ,—съ нихъ правятъ правежомъ, а воеводъ закупаютъ и чинятъ насильство еще пуще.

Въ 1639 году по поводу этихъ жалобъ производился большой обыскъ: допрашивали всѣхъ вологжанъ посадскихъ людей [1]).

Но гораздо болѣе серьезныя послѣдствія для иностранцевъ имѣли другія выступленія московскаго купечества, которое, въ первой половинѣ XVII вѣка, совокупными усиліями добивалось поставленной цѣли: изгнанія съ русскаго рынка иностранныхъ гостей.

Выступленія эти производили такое впечатлѣніе на наблюдателей внутренней жизни московскаго общества, что шведскій резидентъ, Карлъ Поммеренингъ, 13 января 1649 года, съ большимъ основаніемъ могъ сказать унылую фразу: „Какъ бываетъ обыкновенно каждый годъ, русскіе купцы добиваются все еще, чтобы иноземныхъ (т. е. купцовъ) удалить изъ Москвы" [2]).

Обыкновенно, требованія изгнать иностранныхъ купцовъ выражались въ коллективныхъ челобитьяхъ торговыхъ людей; такія челобитья дошли до насъ отъ 1627, 1642, 1646 и 1649 годовъ. Есть указаніе на челобитную 1667 года, по которой былъ составленъ Новоторговый Уставъ.

---

[1]) Прик. Дѣла ст. лѣтъ 1639 г. № 56.

[2]) Якубовъ Россія и Швеція въ первой пол. XVII в. (Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Рос. 1898 г. кн. I стр. 435).

Въ содержаніи всѣхъ этихъ памятниковъ общественнаго настроенія русскихъ горожанъ первой половины XVII вѣка есть очень много общаго: всѣ они вышли изъ одной среды, иногда даже отъ однихъ и тѣхъ же лицъ; они проникнуты поэтому однимъ чувствомъ и бьютъ въ одну и ту же цѣль: освободиться отъ конкуренціи иноземныхъ купцовъ—но вмѣстѣ съ развитіемъ русскаго города можно замѣтить и постепенное развитіе въ пожеланіяхъ купечества.

Особый интересъ получаетъ поэтому текстъ первой челобитной 1627 года, повидимому, самой ранней въ XVII вѣкѣ. Этотъ текстъ лежитъ въ основаніи всѣхъ послѣдующихъ челобитій русскихъ гостей и торговыхъ людей, но доселѣ онъ оставался неизвѣстнымъ и недоступнымъ русской наукѣ [1]).

Челобитная 1627 года объ изгнаніи иноземцевъ подана была царю и патріарху Филарету отъ имени гостей и торговыхъ людей всего государства: „бьют челом холопі вашi, гости и торговые людi, москвичi i казанцы и ярославцы и нижегородцы и костромiчi и вологжане i всѣх ваших государевых городов". На оборотѣ челобитной, кстати

[1]) Челобитія 1649 и 1646 годовъ давно извѣстны: первое въ пересказѣ напечатано въ актахъ земскаго собора 1648—9 г. въ сборникѣ князя Хилкова № 82, а второе—въ Актахъ Археографической Экспедиціи т. IV № 13. Заявленіе 1642 г. заключается въ отвѣтѣ гостей, гостинной и суконной сотенъ на Земскомъ соборѣ 1642 г. (Собр. Госуд. Грам. и дог. т. III № 113; Акты относящ. къ ист. Зем. Соб. Готье № XII). Что касается первой челобитной 1627 года, то она доселѣ нигдѣ не напечатана и извлечена мной изъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ 1627 г. № 25. До недавняго времени она оставалась неизвѣстной и въ трудахъ историковъ. Только Мулюкинъ въ своей книгѣ „Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство", вышедшей въ 1909 г., дѣлаетъ ссылку на нее и приводитъ небольшую цифру (стр. 34, 206), да раньше его В. А. Кордтъ напечаталъ изъ другого источника послѣдовавшую на челобитную резолюцію (Путеш. Бурха и Іоганна Фельтдриля).

очень плохо сохранившейся и почти нечитаемой, находится 31 подпись.

Таковъ интересующій насъ документъ, о характерѣ котораго мы скажемъ нѣсколько словъ.

Раньше всего возникаетъ вопросъ о происхожденіи челобитной. Коллективное выступленіе отъ имени торговыхъ людей „всѣхъ городовъ", наличность подписей на документѣ въ составѣ нѣсколькихъ человѣкъ гостей, московскихъ сотенъ и провинціальнаго купечества, само собой ставитъ вопросъ: зачѣмъ собрались въ Москву представители всѣхъ крупныхъ центровъ и почему они говорятъ отъ имени цѣлаго сословія? Допустить, что различные посады, даже только поименно указанные въ перечнѣ, заранѣе сговорились, составили тождественные приговоры и послали ихъ одновременно съ посыльщиками въ Москву, нельзя. Это примѣръ небывалый, да и технически трудно осуществимое дѣло. Между тѣмъ, подать челобитье отъ имени города безъ полномочій на это міра,—въ XVII в. считается несомнѣннымъ злоупотребленіемъ; если такіе примѣры случались съ отдѣльными посыльщиками, то допустить такой фактъ для цѣлаго съѣзда почти невозможно, и это тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ никакихъ протестовъ со стороны посадскихъ міровъ на узурпацію ихъ правъ челобитчиками. Остается предположить, что челобитчики явились въ Москву не случайно, и что они имѣли право на челобитныя отъ цѣлаго сословія, т. е. что они были депутатами Земскаго Собора, или какой-либо экстренной торгово-промышленной комиссіи.

Въ исторіи Земскихъ Соборовъ періодъ съ 1622 по 1631 г. составляетъ пробѣлъ, причемъ мы не можемъ рѣшить, перерывъ ли это въ соборной дѣятельности или недостатокъ нашихъ свѣдѣній о ней. По мнѣнію проф. Платонова, во всякомъ случаѣ у правительства въ этотъ періодъ были подъ рукой представители отъ городовъ, и оно могло созывать ихъ на совѣщанія. Мы не рѣшаемся, по недостаточности данныхъ,

высказаться категорически, но, кажется, нашъ документъ въ высшей степени напоминаетъ соборный актъ за этотъ неясный періодъ времени.

На такой характеръ его указываетъ уже то обстоятельство, что челобитія 1642, 1646 и 1649 годовъ несомнѣнно являются соборными актами: указаніе на заявленіе 1642 г. мы находимъ въ отвѣтѣ выборныхъ Азовскаго Собора; о челобитной 1649 года Поммеренингъ упоминаетъ въ такихъ словахъ „говорятъ, сословія постановили это", т. е. изгнаніе иностраныхъ купцовъ; [1]) прямыхъ указаній нѣтъ только относительно челобитной 1646 года, но на связь ея съ соборомъ 1646 года указываетъ уже хронологическое совпаденіе.

Далѣе, соборный характеръ челобитія 1627 года объ изгнаніи иноземцевъ вытекаетъ изъ близости количества подписей высшаго Московскаго купечества на ней съ обычнымъ числовъ выборныхъ послѣдняго на Земскихъ Соборахъ XVII вѣка. На челобитной всего 31 подпись, изъ нихъ 3 принадлежатъ гостямъ (Надѣйка Свѣтешниковъ, Гриша Твердиковъ и одна неразобранная), 6 человѣкъ, повидимому, гостинной и суконной сотенъ, остальныя же 22 принадлежатъ, очевидно, названнымъ въ заголовкѣ торговымъ людямъ: москвичамъ, казанцамъ, ярославцамъ, нижегородцамъ, костромичамъ, вологжанамъ „і всѣх государевыхъ городов". Среди нихъ указаны: „москвитинъ", „ярославскій соцкій вмѣсто ярославцевъ торговыхъ людей", „ярославецъ" и „володимерецъ".

Въ актахъ Земскаго Собора 1642 года всѣхъ членовъ торгово-промышленной куріи указано 32, т. е. почти столько же, сколько и на челобитной 1627 года; гостей среди нихъ 3, гостинной и суконной сотенъ 9 человѣкъ,—остальные отъ Московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ, замѣнившихъ

---

[1]) Якубовъ, Россія и Швеція въ перв. пол. XVII в. (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1898 кн. I стр. 445).

собою выборныхъ отъ посадовъ. На соборѣ 1648—9 г. было 3 гостя и по 2 выборныхъ отъ гостинной и суконной сотенъ. Любопытно, что изъ гостей, имя которыхъ подписано на челобитной 1627 года, Надѣй Свѣтешниковъ подписался и на челобитьѣ 1646 года, а Григорій Никитниковъ—на соборномъ отвѣтѣ 1642 года и на челобитной 1646 года. Такимъ образомъ, въ челобитіяхъ объ изгнаніи иноземцевъ можно наблюдать связь по составлявшимъ ихъ лицамъ: одни и тѣ же люди писали ихъ на протяженіи почти четверти вѣка и писали, вѣроятно, въ одномъ и томъ же положеніи, на Земскихъ Соборахъ.

Еще болѣе замѣтна вытекающая отсюда идейная близость заявленій „лучшихъ людей“ изъ московскаго и посадскаго купечества.

Пересказъ челобитной 1649 года (подлинникъ не сохранился) повторяетъ даже порядокъ мыслей въ челобитной 1646 года; лишь потомъ, въ отвѣтъ на дополнительный вопросъ царя, выборные развили ее со стороны дипломатической и юридической [1]). А челобитная 1627 года является, повидиму, тѣмъ первоначальнымъ документомъ, который легъ въ основу челобитія 1646 года.

Чрезвычайно интересно, что челобитіе 1627 года направлено не противъ всѣхъ иноземныхъ купцовъ,—торговые люди въ немъ бьютъ челомъ и жалуются „на торговыхъ

---

[1]) Можно, казалось бы, высказать подозрѣніе, что т. н. челобитная 1646 г. есть только несохранившійся подлинникъ пересказа челобитной 1649 г. Челобитье 1646 г. не имѣетъ собственной даты; какъ видно изъ приписки, оно отыскано въ Посольскомъ Приказѣ 9 мая 1662 года, вѣроятно, въ связи съ изданіемъ Новоторговаго Устава, списокъ котораго въ Пол. Соб. Зак. датированъ 22 апрѣля, а въ Собр. госуд. грам. и дог. 7 мая, или же въ связи съ переговорами съ армянской компаніей, договоръ съ которой подписанъ 31 мая 1667 г. Однако, судя по подписямъ на челобитьѣ 1646 г. и на Уложенномъ спискѣ, можно утверждать, что это—два различныхъ документа, раздѣленные временемъ, хотя быть можетъ и тождественные по содержанію.

нѣмец: на галанцов и на анбурцов, *опричь аглинских гостей*, и Кизильбашские и Бухарские землі на тезиковъ".

Выдѣленіе англичанъ объясняется или ничтожностью ихъ торговыхъ оборотовъ въ эту эпоху, о которой я говорилъ выше, или же незримо между ними и московскимъ купечествомъ протянулась чья-то властная рука: челобитная 1646 года утверждаетъ, что англичане въ 1626 году подкупили думнаго дьяка Петра Третьякова и такимъ путемъ достали себѣ жалованную грамоту на 23 человѣка.

Во всякомъ случаѣ, московскіе купцы раздѣлили своихъ враговъ—конкурентовъ, чтобы выгнать ихъ поочереди: челобитія 1646—1649 г.г. направлены противъ англичанъ и всѣхъ другихъ иностранныхъ купцовъ.

V.

Челобитіе 1627 года гораздо короче, нежели 1646 и 9 г. Оно довольствуется иногда краткимъ указаніемъ тамъ, гдѣ послѣднія приводятъ историческую справку, въ немъ меньше отдѣльныхъ примѣровъ нѣмецкихъ злоупотребленій, оно вообще болѣе сжато, отличается болѣе краткимъ цѣльнымъ языкомъ, но менѣе цѣльнымъ продуманнымъ планомъ. Содержаніе же его, какъ это будетъ видно, въ общихъ чертахъ сходно съ челобитіемъ 1646 года. Начинается оно общей жалобой на то, что отъ Московскаго разоренія „почалі тѣ торговые нѣмцы ѣздить... съ ярмонки от города Архангильского по городом"... Покупили у посадскихъ землю и наставили дворовъ. Товары свои ставятъ не на Гостинномъ Дворѣ, а на своихъ дворахъ, утаиваютъ ихъ въ таможнѣ и торгуютъ ими врознь. Затѣмъ, они захватываютъ уже и русскій внутренній рынокъ: скупаютъ соль у Архангельска и везутъ ее на своихъ дощаникахъ до Вологды. Точно также внутрь страны ѣздятъ изъ Казани и Астрахани восточные тезики и также торгуютъ своимъ товаромъ врознь, а не оптомъ.

Эта общая часть въ челобитной 1646—9 года развивается въ цѣлую историческую справку, когда и какъ возникли привилегіи англичанъ, голландскихъ, брабантскихъ и гамбурскихъ нѣмцевъ. Всѣ три челобитныя обращаютъ взоръ въ прошлое, въ XVI столѣтіе, гдѣ имъ рисуется золотой вѣкъ русской торговли: челобитіе 1627 года дѣлаетъ это послѣ общей жалобы, въ видѣ лирическаго отступленія, челобитія же 1646—9 годовъ указываютъ на это вначалѣ, какъ на историческій фактъ. Теперь, констатируютъ челобитчики 1627 года, нѣмцы сидятъ въ своихъ лавкахъ и амбарахъ на Вологдѣ, въ Ярославлѣ и на Москвѣ, торгуютъ врозь... „А прі прежних государех, блаженные памяті при государе царѣ і в. князе Іване Васильевіче всеа Русиі пріхажівалі въ Ругодів (т. е. въ Нарву, гавань Пскова) заморские торговые многие немцы—на лѣто по сту и по двесте кораблей, а на Руси с товары дале Ругодива не пущивалі. У в то время вашi государевы пошліны збиралі, а намъ, холопем и сиротам вашім, былі торги пространные. I въ тѣ лѣта нам, холопемъ и сиротам вашим, вашi государские службы служіть было радѣючи, а не плачучі“...

Челобитія 1646—9 года, какъ сказано, въ началѣ просто и трезво замѣчаютъ, что при прежнихъ царяхъ отцы и прадѣды торговали съ нѣмцами разныхъ государствъ изстари, „у корабельной пристани въ Иванѣ городѣ (рядомъ съ Нарвой) всякие Рускіе товары на заморские товары мѣняли“. Но товары тогда были вдвое лучше и вдвое дешевле нынѣшняго; на ярмаркахъ въ Ивангородѣ съ торговыхъ промысловъ собиралось вдвое передъ Архангельскимъ, „передъ нынешним“, тысячъ по 50 государевыхъ пошлинъ; иноземцевъ изъ Ивангорода внутрь страны не пускали, „и от тѣх торговых промыслов прадѣды и дѣды и отцы наши полнились и богатѣлися, и ваше государское государство множилось и богатѣло, и всякие люди полнилися“.

Въ настоящее время, рисуетъ челобитная 1627 года, нѣмцы, кромѣ англичанъ, и восточные тезики, разъѣзжаютъ всюду свободно: „по всѣі вашей государевой вотчине", даже въ Сибирь посылаютъ своихъ промышленниковъ и приказчиковъ. Всюду они вызнаютъ цѣну русскимъ товарамъ, и особенно государевымъ, т. е. монопольнымъ товарамъ: шелку, икрѣ и соболямъ, также русскимъ сукнамъ и всякимъ товарамъ. Они проѣзжаютъ горами, т. е. сухимъ путемъ, и посылаютъ „въ свою неметцкую землю" вѣсти „подвожды". „І про русские товары у них ставитца ведомо, почему какой товар на Руси купят. И проѣхав тѣ торговые нѣмцы на Русь, меж себя заговоромъ свои нѣмецкие товары продают не торопясь большою ценою", продают врознь, сидя въ лавкахъ и анбарахъ, а то оставляют съ непроданными товарищей, которые сидятъ лѣтъ по пяти, пересылаясь грамотками со своими хозяевами, да закупая по граматкамъ же русскій товаръ.

У Студенаго моря за нѣмцами рыбныя ловли: въ поморскія рѣки и въ море приходятъ ихъ корабли „на утбу и на сальную добычу" (ворвань); а въ корабли насыпаютъ всякій хлѣбъ и увозятъ его за границу. Такъ дѣлаетъ, напримѣръ, голландецъ, уже упомянутый Карпъ Демуленъ. У него приходятъ корабли, будто бы для рыбной ловли, въ рѣку Унбу; сюда онъ на ладьяхъ подвозитъ хлѣбъ, разсказываетъ челобитная 1627 года, будто бы на Унбу, не для отпуска; затѣмъ ссыпаетъ его въ корабли и увозитъ безъ позволенія государя и безъ пошлины. Вѣроятно, съ этой же цѣлью Карпъ Демуленъ накупилъ себѣ въ Поморьѣ тяглыхъ деревень, изъ которыхъ челобитная называетъ одну по имени: „Загорки".

(Такую организацію хлѣбнаго экспорта съ собственной запашки проэктировали англичане, отказавшіеся отъ нея въ 1619 году).

Списокъ нѣмецкихъ злоупотребленій, со включеніемъ англичанъ, въ челобитіи 1646 года и въ разспросныхъ рѣчахъ выборныхъ Земскаго Собора 1649 года разростается въ цѣлый обвинительный актъ. Въ немъ купечество цитируетъ содержаніе жалованныхъ грамотъ, указываетъ на уклоненія иноземцевъ отъ точнаго смысла ихъ, отмѣчаетъ, что какъ англичане, такъ и голландцы, на имя которыхъ выданы грамоты, перемерли, а вмѣсто нихъ пріѣзжаютъ другія лица. Злоупотребленія иллюстрируются цѣлымъ рядомъ конкретныхъ примѣровъ,—въ родѣ того, что русскіе купцы, пытавшіеся проникнуть въ нѣмецкую землю со своими товарами, вмѣсто гостепріимства, какое имѣютъ у насъ иноземцы, встрѣчаютъ стачку и едва не умираютъ съ голода. Между тѣмъ, русскимъ купцамъ „такия неправды..., по милости государя нашего, къ вамъ сдѣлать не смѣть“ (Антонъ Лаптевъ, ярославецъ, въ Амстердамѣ и гость Назарей Чистой съ государевыми товарами). Иноземцы бойкотируютъ купцовъ даже у Архангельска, когда они перекупаютъ русскіе казенные товары; между тѣмъ казна имъ же отдала на откупъ ворванье сало на всемъ Поморьѣ.

Обѣ челобитныя и 1627 и 1646 годовъ неоднократно обращаются къ плачевнымъ результатамъ такой неразумной политики, причемъ межъ ихъ мотивировками замѣтна интересная разница. Мотивы челобитной 1627 года уже и какъ бы зачаточнѣе. Главное мѣсто среди доводовъ занимаютъ убытки русскихъ торговцевъ и казны. „Мы, холопі и сироты,... от тѣх иноземцов стали без промыслу, и многие торговые люди от своихъ промыслов отбыли и оттово оскудѣлі и одолжали великими долги“. Отъ нихъ же „стала поруха великая“ царскому торгу и таможеннымъ доходамъ. Лишь въ одномъ мѣстѣ челобитной мелькаетъ указаніе, такъ широко развитое затѣмъ жизнью и челобитіемъ 1646 года,—отъ закупки иноземцами хлѣба становится „дороговь“ въ Поморьѣ, „і от тоі... хлѣбной дорогові на Колмогорах и у

города (т. е. Архангельска), і в Усть-Коле і всеѣ Поморские мѣста помирают голодом, и послѣдние людишка оскудѣлі и обдолжалі великимі долгі".

Челобитная 1646 года возникла уже среди развивавшагося кризиса XVII вѣка, отъ котораго особенно сильно страдало Поморье и среднее Поволжье съ его крупнѣйшими посадами въ странѣ. На соборѣ 49-го года его или близкій къ нему текстъ поддерживало своими подписями дворянство. Естественно, что въ нихъ торгово-промышленный классъ говоритъ не только о своихъ интересахъ. По выраженію челобитной, 1646 г. разные нѣмцы „не токмо... насъ, холопей и сиротъ твоихъ, безъ промысловъ учинили, ино, государь, и все Московское государство оголодили". Они закабалили „многихъ бѣдныхъ и должныхъ русскихъ людей", разсылаютъ ихъ, какъ своихъ приказчиковъ, закупать русскіе товары. У Архангельска „должные людишка плачючи отдаютъ товаръ свой на безцѣнокъ" стакнувшимся нѣмцамъ, а отъ откупа на ворванье сало, за которое откупщики даютъ треть и четверть цѣны, „многіе люди Колмогорцы и все Поморье, которые ходятъ на море бить звѣря, обнищали и разбрелись врознь, и твоя государева вотчина, города Архангильской и Колмогорскій уѣздъ и все Поморье, пустѣетъ". И кто знаетъ, не виноваты ли тутъ нѣмцы сознательно: они хотятъ перевести Архангельскую ярмарку къ Ивангороду, во владѣнія шведовъ, на что согласно, но съ разныхъ точекъ зрѣнья, указываютъ челобитіе русскаго купечества 1646 года и проекты шведскихъ агентовъ: Карла Поммеренинга и Де-Родеса [1]).

Большая узость челобитія 1627 года сказывается и въ принципахъ отношенія его къ иноземцамъ: въ 1627 году

---

[1]) Якубовъ, Россія и Швеція въ перв. пол. XVII вѣка (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1898, I); Курцъ, Донесенія Родеса и Архангельско-Балтійскій вопросъ (Ж. М. Н. П. 1912 кн. 3).

купечество оставляетъ въ покоѣ англичанъ, даже подчеркиваетъ это, оговаривая каждый разъ при перечнѣ своихъ враговъ: „опричь аглинских гостей". Далѣе, въ резолютивной части челобитіе проситъ государей: „Пожалуйте насъ, холопей и сиротъ своихъ, воззрите, государи, въ свою государеву вотчину і въ нас, холопей и сирот своих, чтобы, государи, тѣ барабантские и галанские и амбарские нѣмцы, кромѣ аглинских гостей, попрежнему дале Архангельсково города и Колмогоръ в вашу государеву вотчину не ѣздилі, и дворов бы своих на Руси не ставилі, и на Руском берегу у Стюденаго моря і в Сибирь промыслов своих по прежнему не отпущивалі. А Кизыльбашские и Бухарские тезикі дале Астрахані и Казани вверхъ въ вашу государеву вотчину тако ж бъ не ѣздилі, чтоб впредь вашимъ государскимъ промысломъ порухи не было, а мы, холопи и сироты ваші, бес промыслов не былі".

Гораздо рѣшительнѣе и принципіальнѣе челобитная 1646 года. Она стоитъ на точкѣ зрѣнія націонализма и требуетъ покровительства русскому купечеству: „не дай намъ, природнымъ своимъ государевымъ холопямъ и сиротамъ, отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищитѣ и въ скудости; не вели, государь, искони вѣчныхъ нашихъ промыслишковъ у насъ бѣдныхъ отнять. Вели, государь, Аглинскимъ и Анбурскимъ и Барабанскимъ и Галанскимъ и Датцкимъ нѣмцомъ, гостемъ и торговымъ людемъ, торговать у Корабельной пристани, у Архангельскова города; а къ Москвѣ, государь, и въ иные городы всего Московского государства пущать не давали бъ".

Такъ постепенно развивались мотивы и требованія русскаго торгово-промышленнаго сословія въ этой части его экономической программы XVII вѣка. Челобитная 1627 года является повидимому первымъ требованіемъ русской буржуазіи выслать иноземныхъ купцовъ послѣ подобнаго проекта въ 1589 году, о которомъ говоритъ Флетчеръ. Въ немъ,

во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ первый текстъ такого требованія, предъявленного, быть можетъ, на Земскомъ Соборѣ; въ основныхъ чертахъ челобитіе 1627 г. является прототипомъ такихъ же заявленій 1642, 46 и 49 годовъ. Но послѣднія развиваютъ его мысли въ цѣлый трактатъ по исторіи русской торговли: указанія на ущербъ, главнымъ образомъ русскому купечеству, отъ „инородскаго торгованія" смѣняются широкой картиной народнаго бѣдствія отъ него; самая точка зрѣнія торгово-промышленнаго класса дѣлается тверже и принципіальнѣе и замѣтно проникается началами національнаго меркантилизма.

Остается указать, что челобитіе 1627 г., равно какъ и послѣдующія, имѣли неполный успѣхъ. Въ 1627 году государи указали „быті по прежнему": кому изъ нѣмцевъ велѣно торговать на Москвѣ, тѣхъ пропускать въ нее, кому не велѣно, тѣмъ торговать у Архангельска; восточныхъ купцовъ пускать только до Казани. Въ грамотѣ на Двину, впрочемъ, указано пускать къ Москвѣ только торговцевъ съ жалованными грамотами: съ проѣзжими грамотами даже англичанъ къ Москвѣ и въ другіе города не пускать, „чтобъ нашимъ торговымъ людемъ въ томъ оскудѣнія не было" [1]). Мы видѣли уже, какъ дьяки Посольскаго приказа собственной властью упразднили и этотъ указъ. Впрочемъ, уже самый мотивъ грамоты: чтобы нашимъ торговымъ людямъ оскудѣнія не было, ставшій обычнымъ на языкѣ царя Михаила и позже смѣнившійся проповѣдью покровительства торгово-промышленникамъ, является и новизной и успѣхомъ въ сравненіи съ XVI вѣкомъ, который такъ прославляли русскіе купцы.

По челобитію 1649 года и рѣшенію Земскаго Собора были высланы, но не всѣ иноземцы, а только англичане,

---

[1]) См. текстъ челобитія, резолюцію и грамоту въ приложеніи къ настоящей статьѣ.

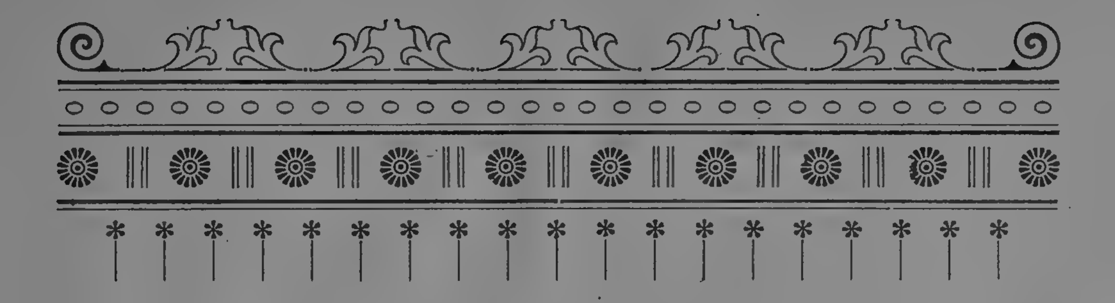
причемъ въ мотивахъ указа мы находимъ соображенія, подсказанныя челобитіемъ 1646 и 9 годовъ: „вѣдомо государю учинилось, что англичаня всею землею учинили большое злое дѣло: государя своего Карлуса короля убилі до смерті. И за такое злое дѣло въ Московском государстве им быти не довелося“ [1]).

Уставная грамота 1654 года и Новоторговый Уставъ 1667 года, изданные также по челобитіямъ русскаго купечества, окончили огражденіе русской торговли отъ иноземной конкуренціи и явились первыми и высоко покровительственными таможенными тарифами въ Россіи.

Павелъ Смирновъ.

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III № 138; Карновичъ „Собраніе узаконеній № 9; Якубовъ, Россія и Швеція въ первой пол. XVII в. (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1898 г. кн. I стр. 450).

Приложенiе.

Челобитная Московскихъ и всѣхъ городовъ торговыхъ людей объ изгнанiи иноземныхъ купцовъ, кромѣ англичанъ, 1627 г. [1]).

Царю государю i великому князю Михаилу Өедоровичю всеа Русiи i великому государю святѣйшему патриарху Өиларету Никитичю Московскому i всеа Русiи бьют челом холопи вашi, гости и торговые люді москвичі i казанцы и ярославцы и нижегодцы и костромічі i вологжане i всѣх ваших государевых городов, на торговых немец, на галанцов и на амбурцов, на иноземцов, опричь аглинских гостей, и Кизильбашские и Бухарские землі на тезиков.

От Московского, государь, разоренья почалі тѣ торговые немцы ѣздить в вашей государеве отчине съ ярмонки от города Архангильского по городом: на Колмогоры і до Устюга и до

---

[1]) Московскiй Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ, 1627 г. № 25. Подлиникъ, столбецъ очень ветхiй и не вездѣ возможно прочитать, особенно рукоприкладства.

Вологды и до Ярославля и до Москвы. И поставилі дворы свої по городомъ, покупая у посадцких людей тяглую землю. И прівозят товары свої и ставят на своих дворех, а не на гостином дворѣ, а иных товаров и не доявлівают, і в том ваші государевы пошліны пропадают; и камни и отласы продают врознь в портище и в аршін, и от тово по городом чинятца в таможнех недоборы; а вещие товары продают врознь же, в полпуда и в грівенки, и у нас, государь, холопей и у сирот вашіх, торгі отнялі, и сталі мы бес промыслу, оскудѣлі. И тѣ заморские нѣмцы у Архангильского города перекупают соль і возят до Вологды на своих дощениках, и тот промысл у нас, холопей и у сирот ваших, отнелі ж. И приѣхав к Архангильскому городу с рускимі товары, и тѣмі товары торгуют меж себя у города, а в таможне записывают тѣ товары в проѣздъ, и в том твоя государева пошліна пропадает. А ныне тѣ немцы на Вологде і в Ярославле и на Москвѣ сидят по анбаромъ и по лавкамъ и продают всякие товары врознь. А прі прежних государех, блаженные памяті при государе царѣ і великом князе Іване Васильевіче всеа Русии, пріхажівалі в Ругодів заморские торговые многие немцы, на лѣто по сту и по двесте кораблей, а на Руси с товары дале Ругодива не пущивалі. І в то время ваші государвы пошліны збиралі, а нам, холопем и сиротам вашім, былі торги пространные. І в тѣ лѣта нам, холопем и сиротам вашім, ваші государские службы служіть было радѣючи, а не плачючі, а вашим бы(ло) государевым товаром, шолку, икре и соболям і всякому товару, цена была дороже, потому: только бы тѣх нѣмец на Русь дале Колмогор не пущалі, а нам бы, холопем и сиротам вашім, был торгъ и промыслъ, а руским бы товаром цены онѣ не ведалі, и ваша б государьская пошлина збиралась многая. И тѣхъ нѣмец на Руси умножилось, а нам, холопем и сиротамъ вашім, от них стала скудость великая, что торгі у нас всякие отнялі. А ныне, государи, по вашему указу, кои торговые немцы пріѣзжают во Псковъ, и тѣ немцы торгуют во Пскове, а изо Пскова ни в которые в ваші государевы городы дале Пскова не пущают. А Кизыльбашские и Бухарские землі тезикі из Астарахані и ис Казані ѣздят по всѣі вашей государевой вотчине; и онѣ свои

товары також продают врознь, болшою ценою, а не свалом,—и у нас, холопей вашіх, онѣ и последние промыслы отнялі.

І в вашей государеве вотчине, у Студеного моря, за нѣмцамі рыбные ловлі; и на море на промыслъ, на утбу и на сальную добычю, в поморские рѣкі приходят караблі и хлѣб всякой, рожь и коноплі и горох, в караблі насыпают,—и от тоі, государи, хлѣбной дорогові на Колмогорах и у города і в Усть Коле і всеѣ поморские мѣста помирают голодом, и послѣдние людишка оскудѣлі и обдолжалі великимі долгі. І в Сибирь галанские нѣмцы торговые и тѣзикі своих промышлеников посылают.

І вашим государевым товаром, шолку, икре и соболямъ, и сукнам і всяким руским товаром тѣ нѣмцы, на Руси вызнав цѣну, и проѣзжают горамі и зимою посылают в свою неметцкую землю подвожды, і про руские товары у них ставитца ведомо, почему какой товар на Руси купят. И приѣхав тѣ торговые немцы на Русь, меж себя заговоромъ свои немецкие товары продают не торопясь большою ценою, и по всѣм городом в вашей государеве вотчине сидят по анбаром и по лавкам и продают товары врознь, а у нас, холопей и сирот вашіх, руские товары покупают також заговором меньшою ценою. А кои у них товары вскоре не продадутца, и за тѣми тавары оставливают товарыщев своих, и живут в вашей государеве отчине лѣт по пяті и больши, а в тѣ поры к нимъ из заморья, горами, подвозят грамоткі, и по грамоткам у нас закупают заговором руские товары. І вашим государевым всякимъ промыслом чинятца от того порухи великие, а мы, холопи и сироты ваши, от тѣх иноземцов стали без промыслу, и многие торговые люди отъ своих промыслов отбыли и оттово оскудѣлі и одолжали великими долгі.

А блаженые памяті при государе царѣ і великомъ князе Иване Васильевиче всеа Русиі и при государе царѣ і великом князе Федоре Ивановіче всеа Русиі борабонские и галанские и амборские торговые нѣмцы, оприч аглинских гостей, дале Архангельсково города и Колмогоръ не ѣзживалі и на промыслъ морской и на рыбные удбы не отпускивалі. А ныне, государи, Голанские землі немчина у Карпа Демулина в реку Унбу караблі ходят, будто на удбу, и хлѣб посылает на ладьяхъ

будто на Унбу, а сыплет тот хлѣб в тѣ кораблі, кое будто на удбу кораблі ходят, и тот хлѣб отпускает в кораблях за море. Да у нево ж, государи, в Поморье покуплены деревни тяглые, одной помним имя деревні,—Загорки, а на Колмогорах покуплены дворы тяглые ж. I как ваш государев боярин, князь Ондрѣй Васильівичъ Хилковъ, был у Архангельсково города и на Колмогорах воеводою, и при нем нѣмцы вверхъ дале Колмогоръ не ѣздилі, і вашею государевою вотчiною, горою, не ѣзживалі ж, и дворов своих по городом не ставливалі, и в лавках і в анбарех не сиживалі, и промыслов на море і в Сибирь не бывало ж, кромѣ аглинских гостей [1]). А кизыльбашские и бухарские тезики дале Астарахані и Казани не ѣзживали ж, окромѣ к Москве посольских людей. А ныне, государи, по всей вашей государеве вотчине і въ Сибирь тезики самі ѣздят и отпущают приказщиков своих, а у нас, государи, отнели вездѣ промыслъ, і вашему государеву тавару отъ их разных промыслов стала поруха великая: росходу не стало вашим государевым всяким товаром.

Милосердый государь царь і великий князь Михайло Өедорович всеа Русии і великий государь Святѣйший Патриархъ Филаретъ Никитич Московский и всеа Русиі! пожалуйте нас, холопей и сирот своихъ, возрите, государи, в свою государеву вотчину і в нас, холопей и сирот своих, чтобы, государи, тѣ барабанские и галанские и амбарские нѣмцы, кромѣ аглинских гостей, попрежнему дале Архангельсково города и Колмогоръ в вашу государеву вотчину не ѣздилі, и дворов бы своих на Руси не ставилі, и на руском берегу у Стюденого моря і в Сибирь промыслов своихъ попрежнему не отпущалі; а кизыльбаские и бухаръские тезикі дале Астарахані и Казани вверхъ в вашу государеву вотчину токо же б не ѣздилі, чтоб впредь вашим государьским промыслом порухи не было, а мы, холопи и сироты ваші, бес промыслов не былі. Государи, смилуйтесь пожалуйте!

---

[1]) Андрей Васильевичъ Хилковъ былъ воеводой на Двинѣ 1617—1621 годы.

Была подклеена роспись.

Голанские торговые люди:

Петръ Петров	Іванъ Клеркъ	Елисѣй Ульянов Нос
Тимоѳий Брунъ	Ѳрянъчик Мерима	Онъдрей Смоленая шия
Павел Кашпиров	Инъдрик Гаксъ	Юрьи Креѳтъ
Аврам Ѳамбекъ	Юстръ Балбитанъ	Исакъ Деватер
Іван Корнильевъ	Аврам Горькой	Яков Кузартъ
Давидъ Миколаевъ	Онъдрий Стеѳанов	Іванъ Онъдриев
Яков Деватер	Ѳедор Сталь з братом	Ѳавкенъ Бурхъ
		Мануйла Спранъчеров.

А инѣх имянъ не знаем, кое на Вологде і въ Ерославле.

На оборотѣ (различными почерками и чернилами):

К сей челобитной . . . . . . (выцвѣло).

„ Надѣйка Светешников руку приложил

„ Гриша Твердиков „

„ Максим Твердиков „

„ Судовщиков „

„ москвитин Андрошка Спиридонов „

„ вмѣсто отца своего Грязново Селиваново сынъ ево Мишка „

„ Бориско Невзоров „

„ Рудельѳик Булгаков „

„ москвитин Алеша Левашов „

„ соцкой Ярославской Никитка Кирьянов вмѣсто Ярославцов торговых людей руку приложил

„ Алешка Епиѳанов „

„ Оверкейко Безсонов „

„ Іванка Микляев „

„ ярославец Тимоха Ступин „

„ Петр Ѳедоров „

„ Гурка Нозерьевъ (?) „

„ Осипко Облезов в отца своего мѣсто Семена „

„ Івашко Ипатьев „

„ володимерецъ Івашко Денісов „

„ Митъка Гладкой „

К сей челобитной Гурко Туренин руку приложил
„ Федорко Меженінов „
„ Левка Подошевников „
„ Елизар Щолкунов „
„ Панкрат Шубинъ „
„ Семѣйко (?) Парѳеньев „
„ Івашко Аѳонасьев „
„ ярославец Васка Попов „
„ Івашко (?) Артамонов . . ванъ „
„ . . . . „

Резолюція на челобитной: Государь і великий государь святейший патриархъ пожаловалі указали быті по прежнему: которым иноземцам велено торговать на Москвѣ,—тѣх и пропущаті; а которым велено торговаті у города, и тѣхъ к Москвѣ не пущаті. Также и тезиком торговаті въ Казані, а къ Москве и по городом не пущаті, опрочъ Кізыльбашских купчін по шаховым грамотамъ. А нѣмцомъ, которым не велено торговаті на Москвѣ, прінесті имяна, хто такіх нѣмец, опрочъ аглінских и опрочъ тѣх, которые на государеве имяні, и опрочь тѣх, которымъ подаваны государевы жаловальные грамоты.

Указъ на Двину (черновикъ).

От царя і великаго князя Михаила Федоровича всеа Русі на Двину воіводе нашему Федору Всильевичю Волынскому да дьяку нашему Ивану Остапову.

Били намъ челом московские и казанские и ярославские и т. д. (излагается челобитье). А хто немецких торговых людей въ Московское государство приѣзжают без нашихъ жаловальных грамот собою, и оні тѣм иноземцом подалі имяна.

И мы и отецъ нашъ великий государь святѣйшій государь патриархъ Филарет Никитич Московскій и всеа Русі о том совѣтывалі и указалі (зачеркнуто и надписано: совѣтовали с отцом.. и указалі):

Иноземцом разныхъ государствъ, которые учнут приезжать к Архангельскому городу для торгу, и им у Архангельсково города

торговаті повольною торговлею, какъ наперед сего было, да и нашi пошлiны съ нiх велѣлi имать по прежнему нашему указу, с которых пошлины имывалi преж сего. А к Москве и въ иные наши городы указалi есмя отпускать от Архангельского города аглинскихъ гостей, Фабина Ульянова а товарищi, которые написаны въ нашей жаловальной грамоте, и их приказчиковъ, которые от их гостей торгуют, да iз галанцовъ Юрья Клинка съ товарыщi, да Карпа Демулина и iныхъ, у которыхъ наши жаловальные грамоты за нашею красною печатью. А у которыхъ иноземцовъ, у агличан и у барабанцовъ и у галанцовъ нашихъ жаловальныхъ грамот нѣтъ, а приѣзжают по проѣзжим грамотам,—и тѣхъ иноземцовъ от Архангельского города к Москве и в ыные наши городы отпускать есмя не велѣли, чтоб нашимъ торговымъ людем въ томъ оскудѣнья не было. А какову роспись гости и торговые людi немцом, которые приежжают в Московское государство собою... по нашему указу с тое росписи списокъ посланъ к вамъ под сею нашею грамотою.

И как к вамъ ся наша грамота придет, а иноземцы разныхъ государствъ учнут для торгу къ Архангельскому городу приезжать,—и вы б по нашему и отца нашего Великого государя Святѣйшего патриарха Филарета Никитiча Московского и всеа Русиi указу аглiчаном i галанцомъ и амбурцомъ и барабанцом и iныхъ земель немецкимъ всяким торговым людем у Архангельского города велѣлi торговатi с нашимi рускими людьмi и с иноземцы повельною торговлею и наши пошлины велѣли с нихъ иматi по нашему указу.

А к Москве естя отпускалi аглинских гостеi, Ѳабина Ульянова съ товарыщi, которые написаны в нашей жаловальной грамоте, и приказщиков ихъ, которые от них торгуют, да галанцов, Юрья Клинка да Карпа Демулина, и иныхъ иноземцовъ, у которых есть наши жаловальные грамоты за нашею красною печатью. А у которыхъ нашихъ жаловальныхъ грамот нѣт, а учнутъ класть перед вамi проѣзжiе грамоты, которые им даваны на Москвѣ, и тѣхъ отъ Архангельсково города по городомъ, на Колмогоры и на Вологду и въ Ярославль и к нам к Москве, не отпускалi отнюдь ни одного человѣка.

(*Зачеркнуто:* опрочѣ аглинскихъ гостей, которые в нашей жаловальной грамоте написаны, и ихъ приказщиковъ, которые торгуют от нихъ, и оприч тѣхъ, у которыхъ наши жаловальные грамоты, что имъ в наше государство приезжать повольно, и оприч нашихъ московскихъ торговых нѣмецъ, которые живутъ на Москвѣ и по городом на нашем имені. А будетъ, которые иноземцы учнут перед вамі класть наши проѣзжие грамоты, что им і ѣхать с Москвы и к Архангельскому городу и назад к Москве, і учнут по тѣм грамотам проситца к Москве, и вы б и тѣхъ от города в наши городы отнюдь не отпускалі, а велѣлі имъ ѣхать за море).

І вы б есте сказалі, что по нашему указу велено имъ торговать у Архангельского города повольно, а к Москве и в иные городы имъ ѣздить не велено, оприч тѣхъ, у которых наши жаловальные грамоты.

(*Зачеркнуто:* о том к вамъ прислан нашъ указ подлинно, и оні б ѣхалі за море, а к Москве им пропуску не будет).

А сказав, велѣли их отпущаті за море.

(*Зачеркнуто:* а к Москве есте таких пропущать не велѣлі).

Писана на Москвѣ лѣта 7135-го июля въ 13 дн.

А имяна немецким торговым людем написаны с ых росписі, какову роспись подалі гості, и та роспись вклеена под челобитною их на сей грамоте.

Павелъ Смирновъ.

